

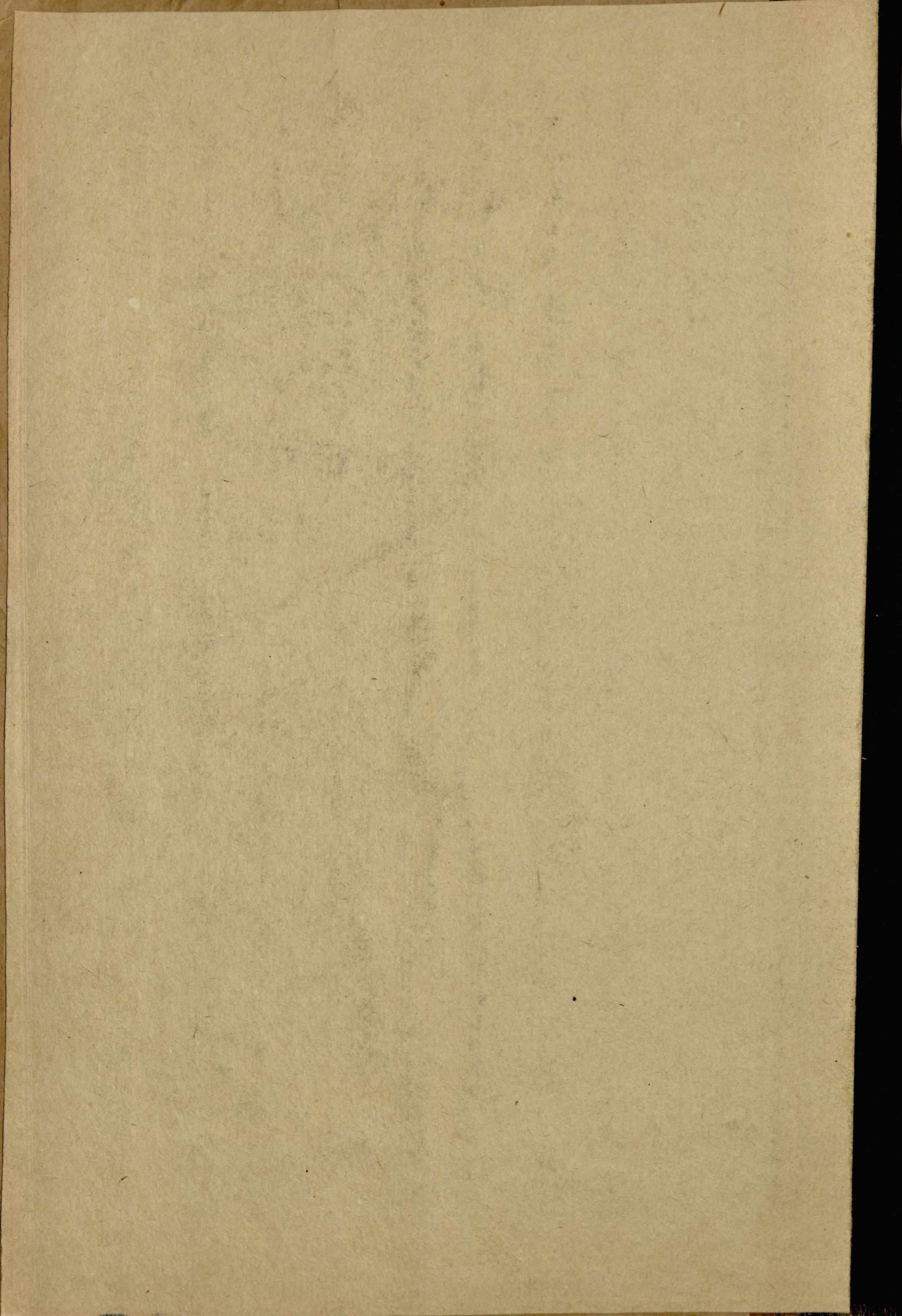
К 016

Д 33

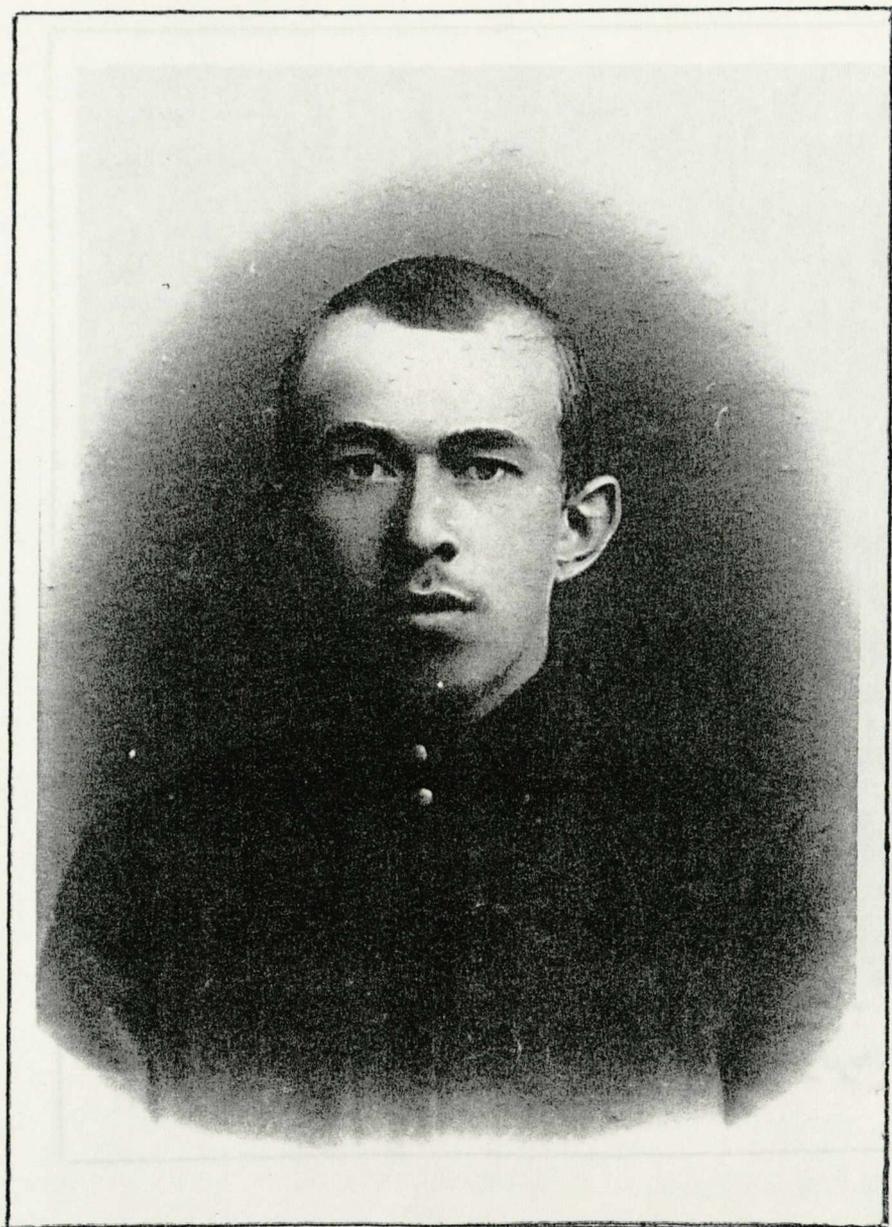
Денисьев В.Н.

**Что я читал в детстве
и юности**

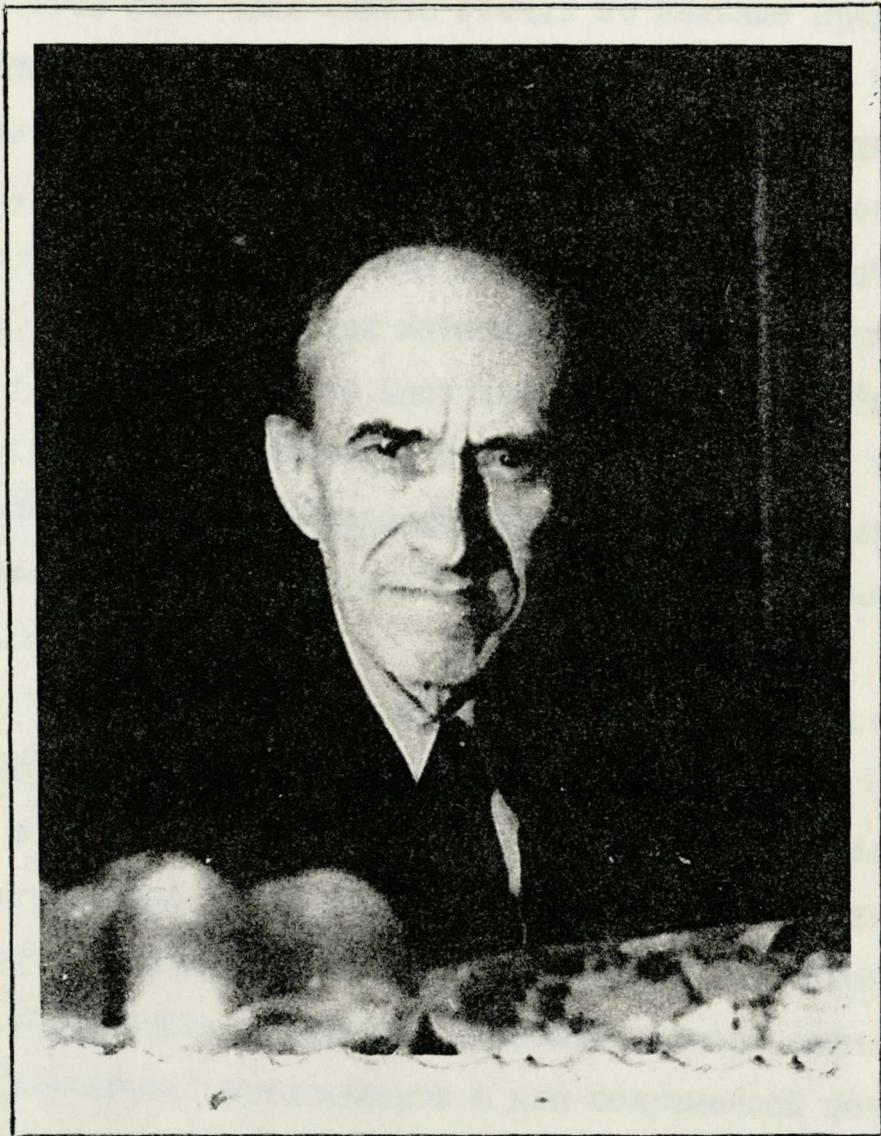
Москва 1967

В.Н. Денисьев в молодые годы.

В. Н. ДЕНИСЬЕВ
1895 - 1968

ЧТО Я ЧИТАЛ В ДЕТСТВЕ И ЮНОСТИ

Давно хотелось мне рассказать о моем чтении в школьные годы (1906-1914 г.г.), поскольку, понятно, я могу восстановить в памяти его содержание и направление.

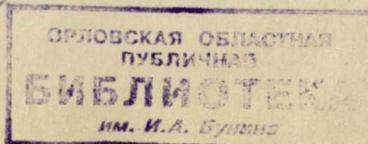
К этой теме меня влекло отнюдь не желание предаться воспоминаниям о давнопрошедших годах детства и юности. Мое чтение представляется мне в известной мере типичным для молодежи, которая училась и развивалась в период между первой русской революцией и первой мировой войной. Мне кажется, что анализ этого чтения мог бы дать небесполезный материал для истории читательских интересов той эпохи, которую Блок характеризовал как "начало высоких и мятежных дней" (например, преодоление упадочных настроений и ~~реакционных тенденций того времени~~ ^{периода реакции} в результате изучения наследия революционных демократов и ознакомления с марксистской литературой).

Далее, возможно, что некоторые черты моей читательской автобиографии представят интерес и для специалистов в области психологии чтения (например, чтение по нескольким параллельным линиям, чтение многоплановое, но в окончательном итоге подчиненное единым принципам и целям). Наконец, своеобразные, проверенные на личном опыте особенности содержания и методики моего юношеского чтения могут оказаться поучительными и для современной молодежи (например, систематическое перечитывание ~~наследия~~ классиков русской литературы; рано выявившееся стремление читать произведения зарубежных поэтов в подлинниках; систематическая запись прочитанных книг, их аннотирование; конспектирование важнейших материалов).

~~В заключение должен отметить, что, хотя и в отношении себя к книголюбам, но никаких дел с "книжниками" и букинистами ни в детстве, ни в юности не имел.~~

ар А 193138

КР-2017

КРАЕВЫЙ ЦЕНТР
200

КР2024

I. Дошкольный период

Читать я научился как-то незаметно и сравнительно рано, а в гимназию поступил довольно поздно, на одиннадцатом году. Весь этот дошкольный период не был ознаменован особыми успехами в области чтения.

Знание грамоты еще не делает человека читателем, и я испытал это на себе в детстве. Я не был читателем прежде всего в смысле психологическом, то есть у меня не возникло еще устойчивого интереса к чтению, не было увлечения каким-либо видом литературы. Я почитывал время от времени попадавшиеся под руку книги, иногда совершенно не предназначенные для детей; изредка старшие члены семьи (отец, сестра) приносили мне детские книги и журналы, я знакомился с ними, но особой тяги к чтению не ощущал.

Помимо субъективно-психологических, были и объективные причины ~~данного~~ такого равнодушия. Дело в том, что в начале века не существовало детской литературы, как мы ее понимаем сейчас, — "большой литературы для маленьких". Не было таких мастеров поэзии для детей, какими явились в советский период С.Маршак, К.Чуковский, С.Михалков, А.Барто и другие. Наши внуки цитируют "Человека рассеянного" и "Багаж" Маршака, "Мойдодыра" и "Доктора Айболита" К.Чуковского, "Дядю Степу" С.Михалкова, "Мы с Тamarой" А.Барто и другие стихи, написанные специально для детей.

У меня сохранились в памяти романсы, которые я слышал в раннем детстве (в роде "Глядя на луч пурпурного заката"), но никаких чисто детских стихотворений я не помню, ибо их и не читал. Первыми стихотворениями, которые я выучил наизусть, готовясь к поступлению в школу, были "Весенние воды" и "Весенняя гроза" Ф.Тютчева.

Не было в то время и таких мастеров научно-художественной, познавательной литературы, как М.Ильин, В.Бианки, Б.Житков, Е.Ча-

рушин и др. И, естественно, не могли волновать умы юных читателей писатели, порожденные Октябрем и отразившие победу пролетарской революции, - А.Гайдар, В.Катаев, Н.Островский, Д.Фурманов и др.

Таким образом, возможности выбора интересной книги для мальчика, родившегося в 1895 году, были весьма ограничены. Произведения Авенариуса, Баранцевича, Засодимского, Круглова и др. не находили у меня отклика и не усиливали интереса к чтению. Приносили мне годовые комплекты журнала "Задушевное слово", я прочитывал отдельные произведения, но тоже без энтузиазма.

Из печатавшихся в этом журнале авторов мне запомнилась только Чарская - вероятно, в силу того, что ее произведения встречались чуть ли не в каждом номере. Однако для мальчика моего возраста какой интерес могли представить переживания Люды Влассовской или княжны Джавахи или какой-либо другой воспитанницы института благородных девиц? Такого мальчика, понятно, больше занимала мысль о том, как склеить грандиозный змей или смастерить дальнобойную рогатку.

Позволю себе небольшое отступление от темы. Когда в 1940-41 гг. был я сотрудником Центрального научно-методического кабинета библиотечной работы, то однажды на Сретенке услышал отрывок громкого разговора двух девушек, шедших ^{мне} навстречу.

- Какую книгу я достала, - сказала одна из них с восхищением, - "Люда Влассовская"!

Я был просто ошеломлен этим неожиданным проявлением интереса современной читательницы к произведению писательницы, которую мы, библиотекари, считали давно забытой, но читатели еще дарили своим вниманием.

Каковы же были положительные результаты моего дошкольного чтения и были ли вообще таковые или же оно не дало ничего для

умственного и нравственного развития ребенка? Да, положительные итоги были и они в основном свелись к ознакомлению с родной литературой, что, естественно, способствовало повышению культурного уровня.

Состоялось знакомство прежде всего с произведениями русского народного эпоса - сказками и былинами (в различных обработках для детского возраста). Попутно замечу, что и в дальнейшем - в зрелом возрасте неоднократно читал и перечитывал лучшие образцы эпоса различных народов.

Еще в дошкольные годы были прочитаны: сказки А.С.Пушкина, его эпические произведения ("Песнь о вещем Олеге"), отдельные поэмы ("Руслан и Людмила", "Полтава"); стихотворения М.Ю.Лермонтова ("Бородино", "Два великана", "Спор" и др.); "Вечера на хуторе близ Диканьки" Н.В.Гоголя и "Тарас Бульба"; басни Крылова, посвященные родной природе стихи Н.А.Некрасова, Ф.Тютчева, А.Фета, А.Майкова, Я.Полонского и др. Многократно перечитываемое наследие классической русской литературы обогащало память художественными образами и глубокими идеями.

Особенно охотно читал я в детстве сочинения В.А.Жуковского - полагаю, по причине обилия в его творчестве сюжетных произведений. Воображение мальчика поражали и оригинальные повествования В.А.Жуковского (например, "Громобой, или двенадцать спящих дев") и его переводные баллады - из Гёте ("Лесной царь", "Рыбак"), Шиллера ("Торжество победителей", "Ивиковы журавли", "Жалоба Цереры", "Поликратов перстень", "Кассандра" и др.), Уланда ("Роланд - оруженосец", "Мицение", "Три песни", "Рыцарь Роллон"), Вальтера Скотта ("Замок Смальгольм, или Иванов вечер"), Саути ("Суд божий над епископом"). Однако вся эта античная и средневековая мистика и романтика воспринималась не в серьез, а как некоторого рода условность, как развлекательная сюжетность. Сквозь все эти мрачные

вымыслы болезненной фантазии пробивалась живая струя - струя исторического реализма и патриотизма, нашедшего особенно яркое выражение в "Певце во стане русских воинов": "О родина святая, какое сердце не дрожит, тебя благословляя?"

Воспетые поэтами-классиками героические эпизоды русской истории и проникнутые глубоким лиризмом картины родной природы послужили психологической основой для выработки национального самосознания, если можно так выразиться, имея в виду мальчика девяти-десяти лет.

Таким образом, хотя дошкольное чтение не вызвало у меня той жажды знания, которая развилась впоследствии под влиянием другой литературы, тем не менее оно имело немалое воспитательное значение, именно способствовало формированию у мальчика чувства Родины, осознанию им своей общности с народом, причастности к его истории и его современной жизни, которая в то время ознаменовалась такими событиями, как русско-японская война и первая русская революция 1905-1907 г.г. И неудачи наших войск в войне с Японией, противоречащие общему представлению о мощи и славе русского оружия, заставляли задумываться даже мальчика, только что начинающего мыслить.

В заключение характеристики моего дошкольного чтения стоит отметить, что я не пользовался никакой библиотекой. Книги мне приносили отец и старшая сестра, но откуда они их брали - не помню, во всяком случае не из детской ^{их} библиотеки, так как я ничего не слышал о существовании таковых.

Отсутствие специальных детских библиотек, отрицательно отражавшееся на чтении подрастающего поколения, характеризовало плачевное состояние библиотечного дела при царизме, отмеченное В.И.Лениным в статье "Что можно сделать для народного образования" (1913 г.).

"...устремлять внимание на то, чтобы даже дети могли пользоваться богатыми коллекциями книг" - это стремление В.И.Ленин с глубокой иронией квалифицирует как распространенный в западных государствах "странный предрассудок", от которого "попечительное начальство охраняет нас заботливо и тщательно". I/

II. Школьный период (первая половина - классы I-4).

Как я стал читателем

Когда мне было уже десять лет, за несколько месяцев до моего поступления в первый класс гимназии, мне принесли роман Жюль Верна "Двадцать тысяч лье под водой". По прочтении этой книги я и стал читателем в психологическом смысле слова, то есть у меня появился интерес к чтению, известная направленность в выборе книг, тяготение к определенным темам и героям.

"Двадцать тысяч лье под водой" увлекло меня в мир приключений, путешествий, изобретений, подвигов человеческого ума и человеческой воли. В том сильном воздействии, какое произвело на меня произведение Жюль Верна, не было ничего необычного - этот роман воспламенил воображение очень многих юных читателей, о чем хорошо сказано в книге Евг. Брандха, "От Эзопа до Джанни Родари" (М., "Просвещение", стр. 138, 141).¹⁰⁰

Вслед за первым романом Ж. Верна последовали "Дети капитана Гранта", "Таинственный остров", "Пять недель на воздушном шаре", "С Земли на Луну", "Вокруг Луны". О степени вспыхнувшей увлеченности мальчика чтением можно судить хотя бы по тому факту, что весьма объемистый роман "Дети капитана Гранта" был прочитан полностью, безо всяких пропусков, в течение одного дня! На следующий

I/ Ленин о библиотечном деле. М., Госполитиздат, 1960, стр. 30-31.

день я принялся читать ту же книгу вторично с самого начала, причем более медленно, чем в первый раз.

Таким образом, я пришел в школу с уже сложившимся вкусом к чтению и тут я впервые стал читателем библиотеки в формальном смысле.

Наша гимназическая библиотека была невелика: она занимала две небольших комнаты и содержала тысяч пять (а может быть, и меньше) томов. Книги обменивались раз в неделю. В определенный день после уроков в помещение библиотеки впускали весь класс, и каждый ученик сам выбирал себе книгу на полке.

Преподаватель, который выполнял обязанности библиотекаря, только оформлял выдачу книги.

Таким образом, в нашей библиотеке применялся, как сейчас считают, самый прогрессивный метод работы — открытый доступ читателей к книжным полкам.

Однако затруднения, которые возникают для читателей при таком самообслуживании, до известной степени смягчались тем, что ^{наша} эта небольшая гимназическая библиотека имела свой печатный каталог.

Мне ^{мне} хорошо помнится эта зеленая книжечка, объемом в два десятка страниц, хотя с тех пор прошло уже шестьдесят лет. Это было первое библиографическое пособие, с которым я столкнулся, и оно добросовестно выполняло свое назначение — раскрывало состав книжных богатств, предоставляемых в распоряжение юных читателей.

Купив такую книжечку, я не расставался с нею. Много раз я перечитывал и просматривал ее, отмечая наиболее интригующие заглавия книг: "Атласная змея", "Ямайские мароны", "Лазурный гигант", "Понтиак, вождь оттавов"^{I/}. Таким образом, когда я прихо-

I/ Об этой книге я вспомнил, увидя в каталоге автомобилей американскую машину марки "Понтиак".

дил в библиотеку, у меня уже было намечено немало интересных книг - и оставалось только отыскать их на полке. Да, хорошо иметь под рукой печатный, каталог библиотеки!

В мире приключений

Получив свободный доступ к фонду библиотеки, я сначала исчерпывающим образом прочитал все имевшиеся в ней произведения Жюль Верна: "Пятнадцатилетний капитан", "Путешествие и приключения капитана Гаттераса", "Ледяной сфинкс", ~~"Дарово доу"~~, "Путешествие к центру земли", "Вокруг света в 80 дней", "Завещание чудака", "Школа Робинзонов", "Север против Юга", "Михаил Строгов, или в стране мехов", "Гектор Сервадак", "Пятьсот миллионов бегумы" и др.

Между прочим, последний из названных выше романов я с интересом перечитал в дни Великой Отечественной войны как образец не только научно-технического, но и социально-исторического предвидения автора.

Из библиотеки можно было получить только одну книгу. Этого материала не хватало для чтения на неделю, приходилось меняться книгами с товарищами по классу. Так, параллельно с романами Жюль Верна, в порядке товарищеского книгообмена, были прочитаны: "Робинзон Крузо" Дефо, "Путешествия Гулливера" Свифта, "Дон-Кихот" Сервантеса (все эти произведения в изданиях, обработанных для детей), "Приключения Тома Сойера", "Приключения Гекльберри Финна", "Принц и нищий" Марка Твена, "Хижина дяди Тома" Г. Бичер-Стоу, "Остров сокровищ" Стивенсона и др.

Исчерпав весь ассортимент имевшихся в нашей библиотеке книг Ж. Верна, я перешел к другим авторам, прежде всего к Фенимору Куперу. Наибольшее впечатление произвела на меня знаменитая пенталогия "Кожаный чулок": # "Зверобой", "Следопыт", "Последний из могикан", "Пионеры" и "Прерия".

Меньшее впечатление оставили после себя исторические и морские романы Ф.Купера - "Шпион", "Лоцман", "Красный корсар", "Пенителъ моря" (в новых изданиях - "Морская волшебница").

Прочитал я и роман в трех частях Фалькенгорста "Африканский кожанный чулок", но, кроме заглавия, у меня не сохранилось никаких воспоминаний об этом произведении.

Затем настала очередь Майн-Рида и Густава Эмара. Из произведений первого особенно запомнились "Всадник без головы", "О^{це}вола, вождь семинолов", "Квартерон^кда", "Сигнал бедствия". Второго же автора я читал долго и упорно, он пользовался в то время большим успехом у читателей. После Октября были переизданы только три его романа - "Текучая вода", "Твердая рука" и "Гамбузинось^{бд}".

Современному читателю неизвестна основная серия романов Густава Э^амара, аналогичная "Кожаному чулку" Ф.Купера: "Арканзасские трапперы", "Пограничные бродяги", "Больные стрелки", "Чистое сердце", "Курумилла". Главный герой этой серии - сверхметкий стрелок Валентин Гилуа.

В связи с этим уместно следующее воспоминание. В 1942 ~~году~~ или 1943 году в Государственной библиотеке СССР имени В.И.Ленина состоялся доклад одного генерала, ведавшего стрелковой подготовкой. Это было блестящее выступление: докладчик цитировал по памяти многочисленные высказывания выдающихся деятелей, проявил большое знание книги, незаурядную начитанность. В частности, он предлагал усилить пропаганду тех романов Купера и Эмара, где главные герои - Натти Бумпо и Валентин Гилуа могут вызвать у молодых читателей стремление стать снайперами.

Помимо ранее названных, прочитаны были романа Г.Эмара "Форт Джээн", "Атласная змея", "Сакраменто", "Мас-Горка", "Розас", "Флибустьеры" и др.

Романы Майн-Рида и Г.Эмара не блещут художественными достоинствами. Особенно очевидной стала для меня литературная слабость произведений Г.Эмара (бедность языка, трафаретность фразеологических оборотов), когда я познакомился с ними впоследствии в оригинале, найдя в 1920 году в одной реквизированной помещицкой библиотеке десятка два романов Г.Эмара на французском языке.

Достоинством произведений Майн-Рида и Г.Эмара является то, что они написаны на основании непосредственного знакомства их авторов с жизнью и бытом племен американских индейцев.

Из классиков литературы приключений большое впечатление произвел на меня Райдер Хаггард. "Копи царя Соломона", "Люди тумана", "Аллан Квотермейн", "Нада", "Она", "Дочь Монтецумы", "Эрик Светлоокий" и многие другие романы "великого Райдера Хаггарда" (такой эпитет был дан ему в одном из номеров английского журнала

"Bookseleet") поражали воображение трагической судьбой героев, их обреченностью, иногда заранее предсказанною каким-либо провидцем или пророчицей. Помимо охотника Аллана Квотермейна (в старых изданиях - Кватермена), фигурирующего в нескольких романах, особенно запомнился образ африканца Умслопогаса, мастерски владеющего секирою Инкзи-каас ("Владычица жизни").

В романе И.Ильфа и Е.Петрова "Двенадцать стульев" на афише о постановке "Женитьбы" Гоголя имеется такая строчка: "Мебель - древесных мастерских Фортибраса при Умслопогасе им.Валтасара". Если предложить современным читателям расшифровать эти имена, то очень немногие скажут, кто такой был Умслопогас.

В романах Р.Хаггарда есть достоинства, которые, по-моему, недостаточно учитываются нашими издательствами:

- а) непосредственное знакомство с жизнью и бытом африканских племен;
- б) сочувственное отношение к коренным обитателям Африки;
- в) антиклерикальная тенденция в его исторических романах, делающая их хорошим материалом для атеистической пропаганды.

Логической точностью рассуждений Шерлока Холмса покорило мое воображение Конан-Дойль; по сравнению с этим образцом никакой цены для меня не имели появившиеся после первой революции издания детективной халтуры, посвященные "подвигам" Ната Пинкертона, Ника Картера, Этель Кинг, Путилина и других сыщиков.

С интересом, но без особого увлечения читал я фантастические произведения Уэллса - "Человек-невидимка", "Борьба миров", "Пища богов", "Первые люди на луне", "Остров доктора Моро", "Когда спящий проснется". Меня удивлял пессимизм автора, в изображении которого судьба всех изобретений и их творцов оказывалась весьма плачевной.

Не понравились мне романы Л. Буссенара ("Капитан Сорви-голова", "Путешествие парижского гамена вокруг света", "Похитители бриллиантов" и др.) непрерывной и необоснованной сменой приключений: едва герой спасся от когтей льва, как попадает в пасть аллигатора, вырвавшись ^{от} ~~из пасти~~ этого хищника, подвергается нападению другого и т.д.

Таков был основной круг приключенческой литературы, с которой я познакомился в течение первых четырех лет пребывания в гимназии. Помимо произведений названных, достаточно известных писателей, прочитано было немало и книг авторов, только упоминаемых Брандтом, например, Герштеккер ("Луговые разбойники Техаса"), С. Вёрисгофер ("Корабль натуралистов") и др., и даже вообще им не названных, например, Г. Ферри ("Лесной бродяга"), Гоп ("Царственный пленник"), Пембертон.

Однако я мало читал капитана Мариэта Редиарда, Киплинга, Луи Жаколю, Эмилио Сальгари, Э. Габорио, совсем не читал Г. Ф. Борна ("Изабелла, или тайны мадридского двора", "Евгения, или тайны константинопольского двора"), Понсона дю Терраиля, автора

приключений Рокамболя, Ф.Буагобэ, Ксавье де Монтепена (только в 1942 г. в иностранном отделе Пермской областной библиотеки мне попался его роман "*La main sanglante*").

В романах приключений меня привлекал не только сюжет, но и описания путешествий, картины флоры и фауны экзотических стран, изображение жизни и быта малоизвестных племен.

В результате чтения приключенческой литературы значительно расширился круг моих знаний по географии; когда мы приступили к изучению внеевропейских стран (не то во втором, не то в третьем классе), большая часть названий гор, рек, озер, морей, государств мне была уже известна и воспринималась как нечто знакомое.

В ассортименте книг, прочитанных мною в те годы, большое место заняли исторические романы. Из иностранных авторов следует упомянуть Г.Эберса ("Дочь египетского фараона", "Невеста Нила", "Уарда" и др.), Бульвера Литтона ("Последние дни Помпей"), Джованьоли ("Спартак"), Конн-Доyle ("Сэр Найгель", "Белый отряд", "Подвиги бригадира Жерара", "Приключения бригадира Жерара", "Михей Кларк", "Изгнанники"), Сенкевича ("Огнем и мечом", "Потоп", "Пан Волод^левский", "Крестоносцы"), В.Гюго ("Собор Парижской богоматери", "Человек, который смеется", "93-й год").

Но главными властителями дум в области исторических романов были для меня Вальтер Скотт и Александр Дюма-отец. Такие произведения шотландского писателя, как "Айвенго", "Квентин Дорвард", "Роб-Рой", "Пертская красавица", "Ламермурская невеста", "Кенильворт", "Уэверли" (в старых изданиях - "Веверлей"), "Эдинбургская темница", "Ричард Львиное сердце" и др. читались и перечитывались не раз. Из произведений А.Дюма особенно нравилась мне серия романов - "Две Дианы", "Королева Марго", "Графиня Монсоро", "Сорок пять", трилогия - "Три мушкетера", "Двадцать лет спустя", "Виконт де-Бражелон". Не все книги были прочитаны из серии, начинающейся

романом "Жозеф Бальзамо, или записки врача" и кончающейся романом "Кавалер Красного замка" ("*Le chevalier de Maison Rouge*").

 "Граф Монте-Кристо" не вызвал у меня особого интереса; второй том, где все *pauvres diables* марсельского порта превращаются в баронов и графов, представителей парижского высшего света, был воспринят вообще как произведение надуманное, неправдоподобное. Наиболее ^{художественным} из зарубежных исторических ~~художественных~~ романов - признал я тогда и впоследствии "Хронику времен Карла IX" Проспера Мериме. Из русских исторических романов мне больше других понравились произведения М. Загоскина ("Юрий Милославский"), И. Лажечникова ("Ледяной дом", "Басурман", "Последний Новик"), Г. Данилевского ("Мирович", "Княжна Тараканова", "Сожженная Москва", "Беглые в Новороссии" и др.), А. Н. Толстого ("Князь Серебряный"), Вс. Соловьева ("Сергей Горбатов", "Старый дом", "Вольтерьянец", "Великий Розенкрейцер" и др.).

Обычно критики указывают, что авторы этих романов отступают от исторической правды, грешат неточностью и субъективизмом в изображении событий и лиц. Однако историография учит нас, что и в трудах ученых историков найдется немало искажений действительного хода событий, дают себя знать монархические убеждения одних исследователей (Моммзен, Карамзин), буржуазная ограниченность других и т. п. Таким образом, хотя знания, ^ппо~~учер~~кнутые мною из названных выше исторических романов, и не отличались научной точностью, но они все-таки давали общее представление о смене эпох, династий, о походах и битвах, о выдающихся исторических деятелях.

И так как сюжетом для этих романов служат, как правило, трагические моменты из истории различных народов, то общее впечатление от художественно-исторических произведений получается довольно близкое к тому мрачному прошлому, каким оно и было в действи-

тельности, если судить его с точки зрения понятий и идеалов современности.

Будучи мальчиком того времени, когда даже "приготовишки" устраивали забастовки в знак солидарности, я рано усвоил критическое отношение к прошлому, достаточно выраженное и в посвященной ему литературе. Поэтому чтение исторических романов принесло мне больше пользы, чем можно было ожидать; во всяком случае у меня не сложилось каких-либо приукрашенных идеализированных представлений по истории России или зарубежных стран.

Другие линии чтения

Помимо увлечения приключенческой литературой были и другие линии чтения, мало заметные для меня самого, но неожиданно дававшие себя чувствовать.

Чтение случайное. Сундук с книгами.

Когда я впервые читал роман Ж.Верна "Пять недель на воздушном шаре", я заметил, что многое из того, что там говорится о природе и людях Центральной Африки, мне уже известно.

Также, когда я читал третью часть романа "Дети капитана Гранта", то обнаружил, к своему удивлению, что многое знаю о своеобразной природе и первобытных жителях Новой Зеландии (маори).

Причина этого явления заключалась в сундуке со старыми книгами. У нас во дворе был большой сарай; в одном из его отделений стоял вместительный сундук, набитый старыми книгами, оставшимися от прежних ~~хозяев~~ ^{жильцов.} Книги лежали там круглый год, многие из них отсырели, в общем были в таком состоянии, что вносить их в дом не разрешалось. Однако летом, когда играть во дворе или в саду было слишком жарко, я забирался в прохладный сарай и копался в этих старых книгах, выбирал из них удобочитаемые издания, про-

сматривал картинки, прочитывал отрывки. В этом сундуке оказались между прочим такие издания, как книга дю-Шало "Путешествие в Центральную Африку" и солидный том (не помню, какого автора) об открытии Австралии и Новой Зеландии, их природе и населении.

Благодаря неоднократному просмотру и фрагментарному чтению этих книг, мне оказалось известным уже многое из того, о чем я читал впоследствии в романах Ж.Верна.

И в дальнейшем, при чтении того или другого произведения, я не раз обнаруживал отрывки, которые когда-то уже читал в книгах, взятых из сундука. Так, например, в каком-то сборнике, без конца и без начала, я прочитал о том, как некая миледи убеждала своего тюремщика Фельте^{на} убить герцога Бекингемского, что он и сделал. Этот уже знакомый мне эпизод я впоследствии нашел в романе А.Дюма "Три мушкетера".

История с сундуком не представляет собою ничего исключительного, она довольно типична; в чтении многих детей такие сундуки, шкафы с книгами, груды книг на чердаке, в сарае и пр. играли немалую роль.

Самым ценным для меня в этой истории было то, что среди просматриваемых и частично прочитываемых изданий были и научные книги. Таким путем незаметно осуществлялось ознакомление с популярной литературой, создавались навыки чтения научного текста. Это, понятно весьма пригодились впоследствии.

Самоучители иностранных языков.

Моему отцу для передачи телеграмм с иностранным текстом требовалось знание соответствующих языков. Поэтому он самостоятельно изучал немецкий, французский, английский языки. У нас было много самоучителей и грамматик этих языков. Мне запомнились самоучители немецкого языка. Оллендорфа, французского языка -

Туссэна и Лангейштедта, английская грамматика Нурока. Эти книги я иногда — за неимением других — перебирал; всматриваясь в незнакомые алфавиты, я незаметно для самого себя запоминал отдельные буквы, слова. Впоследствии, когда я стал изучать в первом классе гимназии немецкий язык, во втором — французский и в третьем — латинский, такое беглое предварительное ознакомление в некоторой степени облегчило мне первые шаги изучения иностранных языков.

Однотомники (двухтомники, трехтомники) произведений русских классиков.

Важным внутрисемейным источником чтения явились собрания сочинений русских классиков, выпущенных в одном, двух, трех томах. Эти издания подарочного типа поступали к нам в качестве наград, выдаваемых ученикам за отличные успехи при переходе из одного класса в другой. Так получены были моей старшей сестрой однотомники Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, мною в первых четырех классах — однотомник И.С.Никитина, двухтомники Н.А. Некрасова и С.Т.Аксакова, трехтомник А.К.Толстого. Эти книги перечитывались мною каждое лето. Таким образом создавалась определенная система чтения, важным звеном которой явилось овладение наследием русской литературы.

Понемногу началось и ознакомление с образцами иностранной классической литературы. Среди старых учебников обнаружена была мною хрестоматия Галахова, содержащая отрывки из "Илиады" и "Одиссеи" Гомера, "Энеиды" Вергилия, "Освобожденного Иерусалима" Торквато Тассо, "Божественной комедии" Данте, "Лузиады" Камоэса, "Генриады" Вольтера и других произведений зарубежных классиков. Эту хрестоматию я также неоднократно просматривал и перечитывал. Так незаметно расширялся историко-литературный кругозор мальчика, создавался у него запас библиографических сведений.

Приложения к журналу "Нива". Ценным источником для ознакомления с художественной литературой, отечественной и зарубежной, явились приложения к журналу "Нива". Примерно с 1906 года (а может быть, немного раньше) мы начали регулярно выписывать этот журнал, к каждому выпуску которого давалось литературное приложение. Всего в течение года подписчик получал 12 литературных сборников и 40 книг трех-четырех русских и иностранных авторов.

Каждую поступающую в виде приложения книгу я немедленно прочитывал, независимо от того, соответствовала она моему возрасту или нет. Таким путем были прочитаны сочинения отечественных авторов: Станюковича, Писемского (включая пухлые романы "Люди сороковых годов", "Масоны", "Взбаламученное море"), Мельникова-Печерского, Помяловского, Гаршина, Чехова, Бунина, Л. Андреева, Вересаева, Куприна, Гарина-Михайловакого, поэтов - Тютчева, Фета, Мея.

Из иностранных авторов были прочитаны сочинения Ибсена, Гамсуна, С. Уайльда, Ростана. Наибольшее впечатление произвел на меня "Бранд" Ибсена. У меня даже вошло в обыкновение каждое гимназическое сочинение на отвлеченную тему заканчивать цитатой из "Бранда". Этот стиль был выдержан мною до конца пребывания в гимназии: последнее сочинение, которое мы писали на экзамене на аттестат зрелости, я закончил также словами из того же произведения:

Простится то тебе, чего не можешь,

Чего ж не захотел ты, - никогда.

Система чтения, сложившаяся за время пребывания в младших классах гимназии (I-4).

После анализа отдельных источников и линий чтения можно подвести итоги и определить общую систему моего чтения за время пре-

р А 193138

бывания в младших классах гимназии.

Основной направленностью был интерес к литературе приключений на географические и исторические темы. Источником, питавшим и удовлетворявшим этот интерес, была гимназическая библиотека и ее печатный каталог. Однако за четыре года обучения в школе все ее богатство приключенской литературы было почти исчерпывающим образом поглощено мальчиком. Параллельно с этим наличие других источников способствовало все более и более широкому ознакомлению с классической литературой и некоторыми современными авторами. Подарочные однотомники, двухтомники и трехтомники русских классиков, регулярно получаемые книжки литературных приложений к журналу "Нива", старые хрестоматии с образцами поэзии и прозы - все это давало возможность, хотя и беспорядочно, без плана и системы, овладеть богатствами отечественной и зарубежной литературы.

Наконец, просмотр случайно попадающихся под руку книг исторического, географического, естественнонаучного содержания, самоучителей и пр. создавал предпосылки для самостоятельного чтения научно-популярной литературы.

Такова в общем была картина моего чтения, резко изменившаяся после перехода в 5-й класс.

III. Школьный период (вторая половина - классы 5-8).

Перелом в общем характере чтения. Резко изменился общий характер моего чтения, когда я учился в пятом классе гимназии. Причиной такого перелома явилось "Воскресение" Л.Толстого. Оно произвело на меня потрясающее впечатление. При этом менее всего меня заинтересовала сюжетная сторона произведения, история отношений Катюши Масловой и Нехлюдова, его переживания, его попытки

загладить свою вину. Не помню точно, дочитал ли я роман до конца. Но меня поразили два описания: суда и богослужения.

В дореволюционных изданиях вторая сцена была исключена цензурой. Однако в том экземпляре романа, который оказался у нас дома, кем-то заботливо были вклеены листы, содержащие рукописный текст отрывка, исключенного цензурой.

Впоследствии в работах Виктора Шкловского я нашел определение того литературного приема, который в данном случае был применен Львом Толстым, - "остранение".

Путем "остранения" великий писатель открыл здесь подоплеку жизненных явлений, их скрытую сущность и заставил читателей по-новому - критически взглянуть на окружающую действительность.

После толстовского анализа жизни я некоторое время вообще ничего не мог читать - настолько бледными, поверхностными казались мне произведения других авторов. Естественно, что и приключенческая литература отошла для меня на задний план, а на первое место выдвинулись произведения критического реализма. Основным содержанием моего чтения стали с тех пор и на долгое время произведения Аксакова, Григоровича, Тургенева, Гончарова, Достоевского, Л. Толстого, Островского, Салтыкова-Щедрина, Короленко, Чехова и других корифеев русской литературы XIX - начала XX в.в. Среди них первые места заняли, естественно, Л. Толстой и Достоевский, причем в годы своей молодости я отдавал предпочтение второму. Его авантюрно-психологический стиль, очевидно, больше импонировал настроению юноши. Увлечение Достоевским кончилось для меня, когда я перешел на третий курс института. Летом, проживая в деревне, я в течение двух месяцев читал и продумывал одно произведение - "Братья Карамазовы", по главе в день. После этого я почти сорок лет не брал в руки ни одной книги Достоевского и только в пятидесятых годах *начал перечитывать некоторые* ~~деревенских романов~~ *деревенских романов* "Идиот", "Бесы", "Дядюшкин сон", его произведения ("Идиот", "Бесы", "Дядюшкин сон", "Село Степанчиково и его обитатели").

наконец

"Братьев Карамазовых", ни "Преступления и наказания" я не мог перечитать, настолько мир идей и переживаний героев Достоевского стал мне чужд и далек.

Что касается Л.Н.Толстого, то его творчество становилось для меня чем дальше, тем более значительным и интересным, его произведения, особенно такие, как "Война и мир", "Хаджи-Мурат", "Казачьи" я перечитывал многократно. Так с течением времени меняются читательские интересы одного и того же человека!

Говоря о творчестве Л.Н.Толстого, я имею в виду его художественное наследие. Что касается его религиозно-философских произведений, то я не прошел мимо них. Я тщательно изучил "Исповедь", "В чем моя вера", но отнесся к идеям толстовства равнодушно и глубоко скептически.

Хотя Л.Толстой и Достоевский и были главными писателями моей молодости, но ни один из их персонажей не был моим любимым литературным героем. Таковым для меня явился тургеневский Базаров. Его критическое отношение к авторитетам, к освященной традицией понятиям, прямолинейная логика его суждений и оценок, отрицание всего того, что не имело под собой прочного основания, все это соответствовало математическому складу моего мышления.

Популяризатором литературного образа Базарова и пропагандистом критического мышления был для меня, как и для многих других юношей, Д.И.Писарев. Вообще в изучении литературы и в познании жизни с помощью литературы главным и мощным пособием послужила для меня литературная критика, в основном и в первую очередь произведения русских революционных демократов - Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева.

Осмысление литературных произведений с помощью критики.

От Белинского до Плеханова

Началось, понятно, с чтения статей Белинского. У нас был однотомник его избранных произведений. Первая же статья - "Ли-

тературные мечтания" - поразила меня как поэма в прозе. Даже малоизвестные для подростка литературные явления XVIII века приобретали в освещении великого критика глубокое значение как первые опыты создания самостоятельной литературы, отражающей русскую жизнь своего времени. Постепенно прочитан был весь однотомник Белинского, причем многие статьи - по нескольку раз.

При переходе из 5-го класса в 6-й мне, по моему желанию, в качестве награды были даны сочинения Н.А.Добролюбова - прекрасное издание в четырех томах под редакцией и с комментариями М.Лемке. В первую очередь были изучены мною классические статьи - "Темное царство", "Луч света в темном царстве", "Что такое обломовщина", "Когда же придет настоящий день". Затем все четыре тома были прочитаны, как говорится, от доски до доски, вплоть до студенческих работ великого критика и сатирических стихотворений Ко^анрада Ли-лиеншвагера.

Мне впервые встретилось издание с таким серьезным научным аппаратом, и оно мне очень понравилось.

При переходе из шестого класса в седьмой мне, в соответствии с моим пожеланием, было дано в награду собрание сочинений Д.И.Писарева (шеститомное издание Павленкова в трех переплетах). И это собрание произведений революционного демократа я прочитал полностью, а такие статьи, как "Реалисты", "Мыслящий пролетариат", "Наша университетская наука" - не один раз. Однако пресловутая статья "Пушкин и Белинский" была воспринята мною критически - как литературный курьез, как некоторый перегиб критической мысли. Мне и тогда уже было ясно, что литературная деятельность и величайшего русского поэта и великого русского критика была насыщена глубоким политическим содержанием, революционным духом, почему царское правительство держало и того и другого под бдительным надзором.

Наконец, после изучения сочинений Белинского, Добролюбова, Писарева я перешел к произведениям Н.Г.Чернышевского. Прочитаны были "Очерки гоголевского периода русской литературы", работа Н.Г.Чернышевского о Лессинге, ряд его критических статей, а главное — диссертация "Эстетические отношения искусства к действительности". Простудировав эти основы материалистической эстетики еще в шестом классе, я через год вторично прочитал и проконспектировал ту же диссертацию.

От Чернышевского дальше было два пути: к Н.К.Михайловскому, то есть к народникам, или к Г.В.Плеханову, то есть к марксистам, к социал-демократам. Я пробовал читать статьи Н.Михайловского ("Что такое прогресс" и др.), но они мне не понравились, показались неубедительными. Наоборот, статья Плеханова "Искусство и общественная жизнь" произвела на меня неизгладимое впечатление; ее я перечитывал много раз и даже в 1930 году, приступая к писанию первой своей книги "Работа с беллетристкой в передвижной библиотеке" (М., Изд-во ВЦСПС, 1930), еще раз — для вдохновения — перечитал эту статью.

Помимо сплошного чтения сочинений революционных демократов, я изучал их критические статьи по особому плану. Дело в том, что, когда я был в классе в шестом, один знакомый студент дал мне рекомендательный список или план чтения русской классической художественной литературы XIX века. В списке были перечислены писатели от Пушкина до Чехова, названы их важнейшие произведения и рекомендована критическая литература об отдельных произведениях или о творчестве данного автора в целом. В основном критические материалы состояли из статей, только в некоторых случаях указывались работы историко-литературного характера. Так, помнится, в списке фигурировали две монографии акад.Н.А.Котляревского — о Лермонтове

и Гоголе. И ту и другую я прочитал; первая из них ~~мне~~ ^{существенно} очень понравилась и ~~оказалась~~ ^{оказалась} помогла мне, когда пришлось при переходе из 7-го класса в 8-й писать на экзамене сочинение на тему "Лирика Лермонтова". Впоследствии меня несколько удивил резкий отзыв А. Блока о книге Н. А. Котляревского, озаглавленный "Педант о поэте". Понятно, ученый - литературовед не мог так "провидеть" поэта, как родственный ему по духу поэт, но эволюцию творчества М. Ю. Лермонтова от наивного романтизма до реалистического обобщения прошлого и современности Н. А. Котляревского ^{мне} проследил довольно подробно и показал достаточно убедительно для того времени. Но это между прочим, возвращаюсь к моему чтению.

Основательное изучение наследия русских критиков-революционных демократов имело большое значение для моего духовного развития. Под влиянием их идей сложились материалистические основы не только моих эстетических взглядов, но и всего мировоззрения вообще. Если учесть мое тяготение к точным наукам, прежде всего к математике, мое увлечение умственным спортом - шахматами, то станет ясно, как прочно я был забронирован против всяких идеалистических концепций, антропософских идей, религиозно-философских исканий в духе Л. Толстого или Д. Мережковского, мистического анархизма, сексуального нигилизма, оккультизма, иогизма и тому подобных модных течений. Поэтому, хотя и читал всю литературу того периода (1906-1914 г.г.), включая ~~литературу~~ ^{литературу} и Арцыбашева ("Санин", "Ревность" и др.), и Ф. Сологуба ("На ~~в~~ чары" - какая чепуха?!), и Л. Андреева, и А. Куприна, и Вербицкую ("Ключи счастья"), и Нагродскую ("Гнев Диониса"), и Ропшина ("Конь блед", "То, чего не было"), и даже Софью Фонвизин, - все это меня несколько не трогало, ничуть не влияло, ибо мутному потоку реакционных идей и растленных чувств я мог противопоставить прочный щит философско-

го материализма, критического реализма и математической обоснованности суждений.

В правильной оценке многих литературных явлений того времени мне, как и многим моим сверстникам - товарищам и знакомым, помогли "критические рассказы" Корнея Ивановича Чуковского. Особенно сильное впечатление на тогдашнюю молодежь произвела статья К. Чуковского "Нат Пинкертон и современная литература". По прочтении ее многие, в том числе и я, перестали ходить в кинотеатры, ибо в статье была дана убийственная критика буржуазного кино. Вообще, прочитав критический рассказ К. Чуковского, например, о Вербицкой, читатель уже больше не брал в руки ее произведений. Даже Д. Лондону был нанесен сильный удар: после статьи К. Чуковского, в которой было подсчитано, сколько затрещин, пощечин, зуботычин дает на каждой странице главный герой романа "Морской волк", у меня пропала охота читать произведения Д. Лондона. Только спустя ряд лет изгладилось это неприятное впечатление, и я мог снова читать книги одного из лучших американских писателей.

Понятно, были среди литературы того времени и такие произведения, которые нравились мне и не вызывали чувства неприятия, например, "Юность" Чирикова, многие романы и повести, опубликованные в сборниках "Знание". Мне и, я думаю, всем моим товарищам-одноклассникам, запомнилось прекрасное майское утро 1913 года, когда в последний день занятий учитель литературы Николай Александрович Соколов устроил громкое чтение: взойдя на кафедру, он раскрыл номер журнала "Вестник Европы" и прочитал ^{начало} ~~вступление~~ романа "Юность". Здесь описывается, как готовился к экзамену Геннадий, как он познакомился с Зоей. ^С словом мы слышали в художественном изложении все то, что волновало нас, чем жили молодые люди того времени. ~~Почему-то и я не помню, как это было, но...~~

как стал революционером.

~~лительный отделений А. Толстого и Чернышевского. Великий интерес в
данном случае проявил ограниченности, но во всяком возрасте пра-
вится читателю "Крейцеров соната" или "Смерть Ивана Ильича".
Разумеется, не только эти произведения.~~

Попутно следует отметить, что, начиная с 5-го класса, я почти не пользовался гимназической библиотекой. Я записался в бесплатную народную читальню имени И.С.Тургенева и в губернскую общественную библиотеку имени А.С.Пушкина. Помимо того, брал книги для чтения из небольшой библиотеки при книжном магазине Кашкина. Наконец, примерно в 1912 или 1913 г. в Орле открылась небольшая частная библиотека современной литературы. Разумеется, я записался и в эту библиотеку и здесь получал самые последние литературные новинки. Таким образом, круг моих источников пользования книгой значительно расширился.

Увлечение поэзией. Брюсов - властитель дум,

Блок - властитель чувств.

Материалистическая основа мировоззрения и критический подход к явлениям современной литературы не исключали для меня возможности увлечения тем, что представляло в ней несомненную эстетическую ценность. В данном случае действовали два фактора: субъективный, то есть ~~личная~~^о мне присущий интерес к поэзии, и объективный, то есть расцвет русской поэзии в начале XX века, давший материал для отбора высокохудожественных образцов.

Восприимчивость к поэзии я испытывал с детства и уже в первых классах основательно - в результате многократного перечитывания - освоил наследие лучших представителей русской классической поэзии: Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова; Тютчева, Фета, Майкова, А.К.Толстого; С.Надсона.

В 5-6 классах я начал сам писать стихи, однако с точки зре-

ния тех высоких требований, которые я предъявлял к поэзии, они казались мне несовершенными и я никогда даже не делал попыток опубликовать свои опыты.

Основные мои требования к поэзии можно выразить известной формулой МСМ (мысль, образ, музыка), к которой я добавлял еще критерий простоты, естественности (МОМП). Отсюда ясно, что стихи, искусственно осложненные, не привлекали моего внимания. Поэтому ^{Значительная} ~~большая~~ часть творчества Маяковского (понятно, за исключением стихов, посвященных Ленину, и поэмы "Во весь голос") ^и Пастернака,

~~прежде всего~~ не была воспринята мною. ~~Эта поэзия была для меня~~
~~только формальной, лишаясь всякого содержания, лишаясь всякой~~
~~личности, лишаясь всякого смысла, лишаясь всякой поэтической~~
~~точки зрения, лишаясь всякой поэтической ценности.~~

Таковы были субъективные предпосылки для моего увлечения поэзией начала XX века. Оно было присуще не только мне, но и большей части молодежи того времени. И для этого имелись объективные данные. Как бы ни расценивалось положение дела в учебниках, ^{по историко-литературным} начало XX века ознаменовано было исключительным расцветом русской поэзии. Под искусственными флагами символизма, акмеизма, имажинизма, футуризма выступила на литературную арену целая плеяда высокоодаренных поэтов, внесших большой вклад в сокровищницу отечественной поэзии, обогативших ее новыми образами, ритмами и рифмами.

Не соглашаясь с идейным содержанием и общим направлением творчестве многих поэтов начала XX века (до 1917 г.), я тем не менее выявил для себя и освоил лучшие образцы поэзии Бальмонта, Брюсова, Блока, Бунина, Иннокентия-Анненского, Андрея Белого, Виктора Гюффмана, Федора Сологуба, ~~Петра Великого~~ ^{Валерьева и Аксакова} Есенина, ~~Игоря Северянина~~ ^{и др.} Игоря Северянина, ~~Игоря Северянина~~ ^{Мережковского} Мережковского, Игоря Северянина. Не остались без внимания и второстепенные поэты того времени - Дмитрий ~~Венедиктов~~

Цензор, Яков Годин, Саша Черный, Н. Львова, Черемнов, печатанный в сборниках "Знание" ("Безмолвный гнев") и др.

Однако основными поэтами и в то время были и впоследствии остались для меня только Александр Блок и Валерий Брюсов, как наиболее яркие выразители эпохи. Блок был властителем преимущественно в области чувств. В его образной трактовке обыденная действительность приобретала романтическую окраску. "Незнакомка", "На железной дороге", "В ресторане", "Уж вечер светлой полосой", "Снежная дева", "На поле Куликовом", "Рожденные в года глухие", "Миры летят. Года летят", и другие стихотворения Блока содержали тот мир образов и идей, в которых эмоционально воспринималась мною действительность. Такие строки, как:

В сердцах, восторженных когда-то,

Есть роковая пустота

или

Затуманили сердце усталость и месть,

Отвращенье скривило уста.

Являлись как бы лозунгами, в поэтически-образной форме определявшими отношение к действительности.

Однако еще больше в этом смысле дал мне В. Брюсов. Он был для меня властителем дум, и многие явления жизни характеризовались для меня формулами, взятыми из стихотворений В. Брюсова.

У него я нашел формулу патриотизма:

Пусть помнят все, что ряд столетий

России ведать суждено,

Что мы пред ними только дети,

Что наше время - лишь звено.

У Брюсова дана и поэтическая формула коммунизма:

Чтоб не был мир ни твой, ни

мой, ни чей,

А общий дар идущих поколений

("К счастливым").

В том же стихотворении - и оценка дореволюционной действительности:

Мы станем сказкой, бредом, беглым

сном,

Порой встающим тягостным

кошмаром.

Как юноше, выросшему в городской обстановке, мне нравились урбанистические мотивы поэзии Брюсова: "Улица была как буря" ("Конь блед"), "Кричат афиши пышнопестрые" ("Вечерний прилив"), "О эти встречи мимолетные на гулких улицах столиц" ("Встречи") и т.п.

В противовес безнадежной, пессимистической лирике Блока, в стихах Брюсова я нашел мотивы оптимизма, формулу самоутверждения личности:

Довольно, довольно! я вас покидаю! берите

и сны и слова!

Я к новому раю спешу, убегаю, мечта неизменно

жива!

Я создал, и отдал, и поднял я молот, чтоб

снова сначала ковать.

Я счастлив и силен, свободен и молод,

творю, чтобы кинуть опять!

Наконец, в стихах Брюсова я нашел для себя прямое указание к выбору профессии, формулу ближайшей цели:

В душе заглясь какая вера!

С каким забвением я пил

И нектар сладостный Гомера,

И твой безумный хмель, Эсхил!

работе "К критике политической экономии" говорит, что греческое искусство и эпос "еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и недостижимого образца".

Энгельс в "Диалектике природы" отметил: "...в многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения, почти все позднейшие типы мировоззрений".

Интерес к античности и привел меня в окончательном итоге к изучению греческой философии, в частности и в особенности, морали Эпикура.

Тенденция к ознакомлению с памятниками мировой литературы в подлиннике.

Мое увлечение поэзией относилось не только к творчеству отечественных поэтов, оно распространялось и на произведения зарубежных авторов. Стремление читать поэмы Гомера в оригинале явилось только высшим выражением интереса к памятникам мировой литературы.

Уже на первых ступенях знакомства с иностранной поэзией в виде хрестоматийных образцов творчества Гёте ("*Erkönig*," "*Der Fischer*"), Шиллера ("*Das Mädchen aus der Fremde*"), Гейне ("*Zwei Grenadier*"), Ламартина, Лафонтена и других, мне бросались в глаза отличия переводов от подлинника.

В одних случаях это были просто отступления от текста:

Das ist der Vater mit seinem Kind
(Goethe)

Ездок запоздалый, с ним сын молодой

(Жуковский).

Ни одно слово перевода не совпадает с текстом подлинника! Это бросалось в глаза даже школьнику. В других случаях была точная пере-

дача текста, но совершенно другое звучание стиха:

*Dortem rauscht die grüne Tanne
Und erglänzt der goldne Mond.
(Heine)*

Там шумят ветвями ели,

Ходит месяц золотой (перевод Вейнберга).

В двух строчках "*Bergidylle*" 8 раз повторяется звук "n", что придает стихам своеобразное звучание; в переводе оно не отражено и стихи получились "без музыки".

В дальнейшем я пришел к более общему выводу: поэзия не переводима - в силу различия фонетики и строя языков.

Не вдаваясь в более обстоятельную аргументацию, которая выходит за рамки данной статьи, ограничусь двумя примерами, показывающими трудность перевода на русский язык немецких и французских текстов, где известную роль играет артикль:

*Die Erste, die Zweite - sie sanften nach,
Die Dritte, die Jüngste, Die Schönste sprach.
(Goethe)*

В двух строках - 5 раз повторяется артикль *die*. А как передать это в русском переводе?

*Et je m'en vais
Au vent mauvais
Qui m'emporte
Deçà, delà
Parcél à la
Feuille morte. (Verlaine)*

Как можно отразить в переводе это *à la*, оторванное от существительно *feuille* и несущее к тому же обязанность рифмы?

Само собою разумеется, что ни тогда ни впоследствии я не думал отрицать искусство перевода или принижать заслуги переводчиков.

Совершенно правильно утверждает С.Маршак: "И если бы, скажем, все русские изучили немецкий и английский языки, то и тогда бы не потеряли своей ценности "Сосна" и "Горные вершины" Лермонтова, "Не ~~был~~^и барабан перед смутным полком "Ивана Козлова, "Коринфская невеста" Алексея Толстого, "Песнь о Гайавате" Бунина. Ибо все эти переводы - замечательные произведения искусства"^{1/}.

Так и воспринимались мною эти и многие другие переводы - как произведения искусства. Бунинский перевод "Песни о Гайавате" был прочитан мною в одном из ранних его изданий с громадным наслаждением.

Но хотя я и отдавал должное переводам как блестящим вариациям, передо мною часто вставал вопрос: а как же звучит то или другое произведение в первоначальном варианте - те же "Горные вершины" Гёте или его же "Коринфская невеста"?

И хотя я, подобно Демьяну Бедному, мог часами стоять у книжного шкафа и неотрывно читать "Одиссею" в переводе Жуковского,^{2/} однако это непосредственное очарование не устраняло желания - понять, что в этом переводе идет от оригинала и что привнесено переводчиком.

Так, мне очень нравилась строчка:

Молча пошел он по берегу, ^и ~~и~~ шумящего моря,

1/ Маршак С. Заметки о мастерстве. - В сб.: Писатели и книги. Вып. I. М., Гослитиздат, 1960, стр.24 (Б-чка журн. "Вопросы литературы").

2/ Никулин Д. Годы нашей жизни. М., "Моск.рабочий", 1966. Статья "Демьян Бедный": "Демьян покраснел и повернувшись к льстецу, сердито сказал: "Глупости! Гомер! Я, бывает, достану с полки "Одиссею", перевод Жуковского и оторваться не могу. Как-то полтора часа простоял у полки читая, а ведь читал сто раз" (стр.273).

Однако, как я выяснил впоследствии, это стих скорее переводчика, чем автора, ибо в греческом языке вообще нет шипящих согласных и в данном случае у Гомера нет инструментовки на звук "м".

Соответствующее место у Гомера звучит совсем иначе:

*Bē thalassēn para thina polyphleistoio
thalassēs*

Здесь обращает на себя внимание совсем иной прием: полногласие или многоголосие, вообще избыток гласных в том слове, которое по-русски передано словом "многошумящий".

И также, например, читая балладу Шиллера "*Siegesfest*" ("Торжество победителей") в переводе Жуковского, мы должны учесть, что последнее заключительное четверостишие ("Смертный, силе, нас гнетущей, Покоряйся и терпи" и т.д.) является результатом творчества переводчика, а в оригинале оно звучит совершенно иначе и напоминает другой образ: *Post equitem sedet atra cura* (За всадником сидит мрачная забота).

Возвращаясь к фактической стороне дела, то есть к истории моего чтения.

Знакомство с творчеством иностранных поэтов в оригинале я начал совершенно правильно с "*Buch der Lieder*" ("Книги песен") Гейне. Простые по форме и содержанию стихотворения этого сборника вполне доступны были на пятом году обучения немецкому языку. Особенно понравилась мне "*Bergidyllie*" своим наивно-ироническим стилем.

После Гейне я перешел к избранным стихотворениям Шиллера и Гёте, а в старших классах - к изучению "Фауста" в подлиннике. И в дальнейшем я только углублял свое знакомство с творчеством этих трех поэтов - Гёте, Шиллера, Гейне. Интересовали меня и другие поэты - из романтиков Уланд, из современных - Райнер Мария

Рильке, но знакомство с ними не состоялось по организационно-техническим причинам (за отсутствием у меня их книг).

✓ Гораздо больше читал я в юности французских поэтов в оригинале - сначала Ламартина и Мюссе, затем Готье и Верлена, далее Верхарна, Бодлера и других - менее известных, ~~и других~~ ~~и других~~ ~~и других~~ Читал я и мастеров французской художественной прозы - Мериме ("Коломба"), Дюма ("Три мушкетера" - в подлиннике не один раз, "Сорок пять"), Мопассана ("Жизнь" и др.), Додэ ("Мальш", "Письма с моей мельницы"), Жюль Верна ("Дети капитана Гранта") и второстепенных авторов.

В августе 1916 года я приехал в Москву и после недельного пребывания вернулся в Орел. Результатом поездки явилась покупка в магазине на Кузнецком мосту "*Poésies*" Верлена и "*Études et Camées*" Теофиля Готье. Эти сборники стали для меня предметом основательного изучения.

Возвращаясь однако к гимназическому периоду. О степени моей начитанности в области иностранной поэзии можно судить по следующему эпизоду. В 6-м классе нам была предложена для классного сочинения такая благодарная тема: "Поэты о поэзии". Не имея под рукою никаких источников, я привел в этой классной работе высказывания поэтов не только отечественных (Жуковского и Державина, Пушкина и Лермонтова, Фета, Надсона, Валерия Брюсова и др.), но также и иностранных - Гёте (*Ich singe, wie der Vogel singt, in den Zweigen wohnt*), Ламартина (*Le poète est semblable aux oiseaux de passage*), Теофиля Готье (*Je comprends tout ce qu'elles disent, Car un poète est un oiseau*) и др.

Читал я в оригинале и латинских авторов сверх изучаемых в школе. Так, летом 1911 года отец купил у букиниста издание речи Цицерона "*Pro Archia poeta*", которую я и прочел самостоятельно.

Осенью того же года, в связи с 200-летием со дня рождения М.В.Ломоносова, нам была предложена для классного сочинения тема "Науки юношей питают". И в данном случае я удивил учителей, процитировав по памяти весь тот отрывок из речи Цицерона, который и послужил основой для стихов Ломоносова: "Науки юношей питают" и т.д.

В общем однако после увлечения цитированием русских и иностранных текстов, я в 8-м классе понял всю неуместность и ненужность "цитатничества" и стал пользоваться результатами начитанности в несравненно меньшей степени.

Несколько слов еще о непосредственном знакомстве - по первоисточникам - с поэзией античного мира. В 6-м классе гимназии мы читали "Метаморфозы" Овидия, в 7-м - "Энеиду" Вергилия и в 8-м - "Оды" Горация. Так, уже в школе мне прозвучала, как труба, "медь торжественной латыни", (Блок). Я мог сравнить "*Exegi monumentum*" Горация с переводами и подражаниями Державина, Пушкина, Брюсова. Я мог ознакомиться с оригиналом оды Горация "*O saepe, mecum tempus in ultimum*", блестяще переведенной Пушкиным ("Кто из богов мне возвратил...").

На втором курсе Историко-филологического института продолжалось начавшееся в гимназии изучение Горация, а на первом получилось так, как сказано в стихах Вс.Рожественского: "И нам, как капли в водоем, уже звенел Катулл".

Читал я даваемые мне учителем латинского языка Митровым, издания М.и С.Сабашниковых из серии "Памятники мировой литературы" - "Баллады - послания" Овидия Назона в переводе Ф.Зелинского, "О природе вещей" Лукреция Кара в переводе Рачинского и др.

Так, еще на гимназической скамье я в оригиналах и переводах впитывал содержание и дух римской поэзии.

Не оставлена была мною без внимания и древнегреческая лите-

ратура. В 7-8 классах нашей гимназии преподавался факультативно курс греческого языка; вдвоем с одним товарищем мы в течение двух лет изучали его ускоренным темпом. За это время мы не только усвоили его основы, но и успели прочитать первую книгу "Анабасиса" Ксенофонта, "Апологию Сократа" Платона и вторую песнь "Одиссеи". Итак, "нектар сладостный Гомера" мне удалось вкушать еще в стенах гимназии!

Надо признаться, что греческий язык труден для изучения в младших классах: как, например, школьник, может усвоить, что неопределенное наклонение имеет 12 форм (*infinitivus praesentis, aoristi, perfecti, futuri* в трех залогах - *activum, medium и passivum*)! Нужна уже некоторая филологическая подготовка, чтобы разобраться в этом и других своеобразных явлениях греческого языка (например, 12 форм опатива). Вводя изучение этого языка в младших классах гимназии, царское правительство, действительно, забивало головы школьникам и то, что могло бы служить средством высокого эстетического наслаждения, превращало в орудие "избиения младенцев." Когда же я взялся за изучение греческого языка, то был уже достаточно подготовлен и потому без особого напряжения преодолел возникающие трудности и усвоил специфические особенности этого языка.

Подводя итоги моим юношеским попыткам чтения шедевров мировой литературы в оригинале, могу сказать словами Овидия:

*Ut desint vires — tamen est laudanda
voluntas.*

Понятно, намеченный план чтения литературных памятников остался в значительной части невыполненным не только в юности, но и в старости, тем более что свою филологическую специальность я сменил на библиотечно-библиографическую. Однако проявившаяся

еще в молодые годы тенденция читать иностранных авторов, особенно поэтов, в подлиннике - была правильной, ценной и дала мне возможность впоследствии шире и глубже узнать ряд литератур, почувствовать их национальные особенности и достоинства стиля отдельных авторов.

При этом в области немецкой литературы я занимался изучением поэтического наследия только трех корифеев: Гёте, Шиллера и Гейне. Я читал и перечитывал их произведения, сравнивал переводы с оригиналом, анализировал качество отдельных переводов и т.д.

~~Для суждения о степени начитанности в данной области пока-
зателен такой случай. Читая "Воспоминания" В.Вересаева, я был
несколько удивлен, когда автор, говоря о встрече со знакомыми
девушками, закончил рассказ немецкой фразой: *ich hofft' es,
ich verdient' es nicht.* ^(без свободного перевода) Однако я сейчас же вспомнил, что
это строчка из стихотворения Гёте "Willkommen und
Abschied":
*Ein rosa farbes Frühlingswetter
Umgab das liebliche Gesicht,
und Zärtlichkeit für mich - ihr Götter -
Ich hofft' es, ich verdient' es nicht.*~~

Немецкой художественной прозы я не читал, за исключением "Истории тридцатилетней войны" Шиллера. Знание языка я использо-
вал для чтения комментариев к немецким изданиям античных авторов, пособий по истории Греции и Рима, трудов по истории греческой философии (*Zeller-Geschichte der griechischen Philosophie*), словарей, справочников (*Pauly's Real-encyclopädie der klassischen Altertums-wissenschaft*) и другой научной литературы.

Иначе обстояло дело с оригинальными текстами французских авторов. Чтение французских книг вошло у меня в привычку и в

ряде случаев, когда я разыскивал какое-либо интересующее меня произведение (например, Готье "Капитан Фракасс"), мне было безразлично, достану ли я перевод или подлинник. В данном случае мне пришлось ограничиться переводом. Но с такими авторами XVIII века, как Ретиф де ла Бретонн или Лувэ де Куврей, *т. е.*

###
познакомился в оригинале.

Равным образом читал в оригинале, поскольку мне не попались в переводе, некоторые произведения Габрио (*"Le crime d'Orival"*), ~~и другие, но в оригинале~~ Г.Эмара, Р.Дошато (*"Le trèfle noir"*) и вплоть до Сименона (*"La pipe de Maigret"*).

Таким образом, после отечественной, самой близкой мне стала литература французская.

Совершенно неудовлетворительным считаю свое знакомство с английской поэзией - именно в силу недостаточного знания английского языка и сложности английской фонетики, ~~которую, по замечанию, если бы я знал, не знал бы сами англичане~~. Понятно, английских прозаиков в переводе я читал и перечитывал многократно и даже не так давно вышедшее тридцатитомное издание сочинений Диккенса снова перечитал целиком и полностью, а некоторые произведения ~~хорошо~~ дважды и трижды.

Еще будучи гимназистом я протудировал все хроники и драмы Шекспира в переводе Соколовского, со всеми вступительными статьями и комментариями; прочитал сочинения Байрона в издании Брокгауза и Ефрона, трехтомник Шелли в переводе Бальмонта. Однако высшее достижение английской литературы - поэзия Байрона и Шелли - осталась для меня *terra incognita*, я не ощутил ее очарования непосредственно. Только переводы М.Ю.Лермонтова

("Душа моя мрачна", "Как одинокая гробница"), Жуковского ("Шильонский узник"), И.Козлова ("Абидосская невеста"), И.Бунина ("Манфред" и "Каин") дали мне достаточное представление о соответствующих произведениях Байрона. Что касается других переводов, то, читая их, я не почувствовал своеобразия и силы поэтического гения Байрона, а в некоторых случаях даже не понял содержания переведенных поэм: кто кого любил, кто кого убил, почему убил и т.д.

Выход в свет трехтомника Шелли в переводе Бальмонта явился своего рода событием в литературной жизни того времени. Однако после ^бразгромной рецензии К.И.Чуковского, который убедительно и наглядно показал, как переводчик "бальмонтизировал" Шелли, интерес к этому изданию был утрачен. И впоследствии, когда вышел в свет перевод В.Д.Меркурьевой, он тоже мне мало дал для понимания и прочувствования творчества Шелли.

В общем, из всего его поэтического наследия я запомнил наизусть только "Озиманди^ю" в переводе К.Д.Бальмонта.

Что же касается чтения английских текстов, то я познакомился в подлиннике только со сказками Оскара Уайльда ("Счастливый принц" и др.) и некоторыми стихотворениями Эдгара По. Свое посредственное знание английского языка, приобретенное путем самообразования и занятий в кружках, я использовал главным образом для ознакомления с книгами^и периодическими изданиями по библиотековедению и библиографии ("Library Journal", "Book-seller", "Publisher's Weekly").

Предприняты были мною попытки ознакомления с поэтами других народов СССР, кроме русского. Еще будучи гимназистом, я интересовался Украиной, ее искусством и литературой, читал произведения Шевченко и понимал их постольку, поскольку украинский язык родственен русскому.

По окончании гимназии я ~~поступил в Киевский историко-филологический институт~~. Восемь лет ~~я~~ прожил на Украине и за это время достаточно изучил язык, чтобы понимать украинские песни, пьесы, поэзию. Стихи Шевченко я читал и перечитывал, многие из них запомнил наизусть. В общем, могу сказать, что специфику и очарование украинской поэзии я постиг в достаточной мере. Не могу сказать того же о литературах других народов СССР. До Октябрьской революции я не знал даже поэмы "Витязь в тигровой шкуре". Тем с большим интересом я взялся за ее изучение при Советской власти: я коллекционировал издания поэмы Шота Руставели и читал ее во всех выходящих переводах - Бальмонта, Петренко, Нуцубидзе, Заболоцкого. Однако и после этих многократных чтений я чувствовал какую-то неудовлетворенность, незавершенность. Если бы я мог хотя бы одну песнь "Витязя" прочитать в оригинале, это ^{да} было бы такое представление о поэме Руставели, какого не может дать и самый лучший перевод.

В общем, подводя итоги, должен отметить, что ознакомление с творчеством иноязычных писателей в оригинале вошло в систему моего чтения.

Чтение научной литературы

Пока я учился в первых четырех классах, чтение научной литературы носило случайный характер. Некоторые научные книги (об Африке, об Австралии и Новой Зеландии и др.) я извлекал из старого сундука, некоторые брал в гимназической библиотеке (Фламмаршон "Популярная астрономия", "Клейн "Астрономические вечера", Тиссандье "Герои и мученики науки"), наконец, некоторые находил в нашей домашней библиотеке (например, много раз просматривал довольно солидную книгу об электричестве, не помню - какого автора).

В старших классах чтение научных книг стало более систематическим и естественно слилось с изучением наследия наших великих критиков-революционных демократов. Таким образом, тематика этого чтения была прежде всего историко-литературная.

С большим интересом прочитал я учебник Саводника по истории русской литературы. Надо сказать, что эта книга была написана хорошо и общий тон ее резко отличался от казенного и сухого стиля других школьных пособий. Дополнительно о Лермонтове я прочитал монографию Котляревского, о Гоголе - "Очерки гоголевского периода русской литературы" Чернышевского и монографию того же Котляревского, о Достоевском и Л.Толстом работу В.Вересаева "Живая жизнь", о поэтах-символистах - книгу Эллиса "Русские символисты". Не вызвала у меня интереса книга Иванова-Разумника "История русской интеллигенции".

Много внимания уделял я ознакомлению с пособиями по истории зарубежных литератур. Когда я перешел в пятый класс, моя старшая сестра выписала четырехтомное издание: П.С.Коган "Очерки по истории западно-европейских литератур". Этот труд я основательно проштудировал, особенно два первых тома.

Прочитана была мною с интересом обширная работа Н.Г.Чернышевского и Лессинге. Увлекло меня блестящее изложение вопроса в лекциях Шахова "Вольтер и его время", меньший интерес вызвали лекции того же ученого "Гёте и его время".

Как одну из характерных черт моего чтения следует отметить внимательное отношение к научному аппарату книги - критико-биографическим очеркам, вступительным статьям, комментариям. Так, например, читая Шекспира, я изучил все те материалы о каждом произведении, которые помещены были в издании. Также были учтены мною все статьи о писателях и их отдельных произведениях,

опубликованные в собраниях сочинений, являющихся приложением к журналу "Нива". Из вступительных статей особенно запомнился мне очерк К.И.Чуковского об Оскаре Уайльде.

Таким образом, система чтения историко-литературной тематики слагалась из следующих компонентов, дополняющих друг друга: 1) из критических статей Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Плеханова; 2) из учебников, лекций и монографий об отдельных писателях или периодах истории литературы; 3) из критико-биографических статей, исторических и историко-литературных комментариев, публикуемых в собраниях сочинений.

Другая характерная особенность методики моего чтения заключалась в том, что я вел: 1) сокращенную запись всех прочитанных книг с кратким описанием каждой (автор, заглавие, подзаголовки) и 2) более подробные записи с конспектами особо важных книг или статей. Конспектирование материала я всегда считал главным средством его усвоения.

В результате такой системы чтения у меня к периоду студенчества накопился порядочный запас сведений историко-литературного и критико-библиографического характера, что и дало, очевидно, основание моим товарищам по институту выбрать меня в 1915 году заведующим студенческой библиотекой. Эта общественная деятельность, продолжавшаяся три года, послужила впоследствии предпосылкой для моего перехода на библиотечную работу.

Возвращаясь к тематике моего самообразовательного чтения. Серьезно интересуясь математикой я, разумеется, не мог пройти мимо популярной литературы, посвященной этой науке и связанным с нею отраслям знания. Однако должен заметить, что книжки Н.А. Рубакина, Лункевича, Нечаева мало привлекали мое внимание. Они казались мне по содержанию слишком упрощенными, а по форме —

- слишком многословными; язык формул говорил мне больше.

В то время был выпущен ^{дореволюционным} издательством "Просвещение" ряд научных популяризаций более серьезного характера, являющихся переводом соответствующих немецких изданий: Книг Мейера о мироздании, Неймайра о вулканах и землетрясениях, Кернера фон-Мерилауна о растениях, Гааке и животных и другие. Эти издания я просматривал (они были хорошо оформлены), частично читал, но и они не вызвали у меня восторга. Книгу Мейера "Мироздание" мне подарили, и с нею я познакомился более подробно. Однако по сравнению с "Популярной астрономией" Камилла Фламариона труд Мейера показался мне сухим и скучным. Читал я, например, популярную книжку Н.А.Рубакина "Подземный огонь", и она не вызвала у меня особого интереса. Обратился я к более солидной работе Неймайра "Вулканы и землетрясения" и в данном случае изложение вопроса показалось мне тяжелым и малоинтересным.

В общем, ни тот ни другой вид популяризаций не давали мне полного удовлетворения. Одним авторам нехватало достаточно глубоких знаний вопроса, они были популяризаторами, но не учеными; другие, наоборот, были весьма учеными мужами, но не были популяризаторами, им было чуждо искусство живо и увлекательно излагать свои мысли.

Сочетание научной глубины с живостью изложения нашел я в трудах К.А.Тимирязева "Чарлз Дарвин и его учение", "Краткий очерк теории Дарвина" и Н.А.Морозова "В поисках философского камня" и "Функция".

Работы К.А.Тимирязева широко известны и многократно переиздавались, о них не приходится говорить. Мне хотелось бы напомнить нашим издательствам о книгах Н.А.Морозова. "В поисках философского камня" я ^{одной из} считаю ^{лучших} научно-популярных ^{одной из} книг дооктябрьского периода - и по содержанию и по оформлению. "Функция"

Н.А.Морозова представляется мне, по собственному опыту, лучшим изложением основ дифференциального и интегрального исчисления. По моему убеждению, эти работы Н.А.Морозова необоснованно забыты и заслуживают переиздания (возможно, с некоторыми редакционными дополнениями и исправлениями, обусловленными последующим развитием науки).

Перечислить более подробно научно-популярные книги по естествознанию, прочитанные мною в школьные годы, мне сейчас не представляется возможным. Преподаватель естествознания Матвей Матвеевич Петров каждый год диктовал нам довольно обширные списки литературы, которую он рекомендовал читать, особенно в дни летних каникул. Понятно, я читал далеко не все эти книги, может быть, только незначительную часть их, но и это было немало. Не могу не упомянуть только одной брошюры, которая произвела на меня сильное впечатление: Ауэрбах Б. Царица мира и ее тень (об энергии и энтропии).

Смутно помнится мне небольшая книжка о магнитном моменте магнита, предназначенная для повышения квалификации телеграфных и телефонных работников. Вся эта книжка была заполнена вычислениями, которые постепенно упрощались и в результате сводились к небольшой формуле. С карандашом в руке я проделывал все указанные в книге математические операции и был восхищен окончательными результатами.

Вообще ^{моя} чтение математической литературы носило своеобразный характер. Оно являлось, во-первых, дополнением к школьным занятиям и выражалось в сплошном чтении учебников. Некоторые их разделы и параграфы, отпечатанные петитом, не входили в программу и пропускались при изучении материала по тому или иному вопросу. Я же читал и изучал весь текст учебника целиком, независимо от

того, проходили мы какой-либо параграф или нет. Так, например, в школе изучали ~~только~~ ^{только} извлечение ^{такого} квадратного корня из чисел. Не довольствуясь этим, я изучал отпечатанный петитом параграф об извлечении кубического корня из чисел. Также не ограничиваясь решением квадратных уравнений, я старался постичь теорию решения кубических уравнений, ознакомился с методом Кардана. Чтение математической литературы, во-вторых, носило творческий, выборочный характер. При известных условиях каждый из кубических радикалов, входящих в формулу Кардана, имеет одно действительное значение и два мнимых сопряженных. Чтобы разобраться в этом вопросе я принялся за изучение комплексных чисел, познакомился с формулой *Moivre'a* и т.д. Все это не входило в программу гимназического курса и усваивалось мною в порядке самообразования.

К изучению кубических уравнений я пришел и другим путем. Из различных разделов геометрии меня особенно интересовали правильные вписанные многоугольники. Исследуя свойства сторон правильных девятиугольников, я самостоятельно вывел формулу утроения сторон правильных вписанных многоугольников, то есть геометрически обосновал величину синуса тройного угла. Так как соотношение между сторонами n -угольника и $3n$ -^{угольника} выражается кубическим уравнением, то опять таки мне пришлось заняться решением этого рода уравнений.

Так, по ходу моих математических "исследований", я обращался к неизучаемым в школе разделам различных математических пособий, в частности познакомился с "Энциклопедией элементарной математики" Вебера и Вельштейна и некоторыми изданиями одесского издательства *Mathesis*.

В силу разнообразия тематики читаемой мною литературы может показаться, что чтение мое носило хаотический, беспланный

характер. Однако в действительности оно было продуманным, систематическим; каждая прочитанная книга отвечала на какой-либо возникший запрос, в одних случаях - эстетический, в других - математический, в третьих - спортивный (пособия по шахматам - Дюфрени, Шифферса), ~~и другие~~.

Но поскольку основной целью чтения была выработка мировоззрения, постольку важное значение имела для меня общественно-политическая литература в широком смысле (включая историческую, философскую, экономическую и пр.).

Надо признаться, что научно-исторической литературы я читал сравнительно немного; конкретное представление об отдельных эпохах и деятелях я, как и многие другие читатели, получил главным образом из художественно-исторических произведений. Так, например, я не изучал каких-либо специальных исследований о восстании Уота Тайлера в 1381 г., но роман Энсворта "Уот Тайлер" был мне известен. Также многие романы Вальтера Скотта послужили для меня источником сведений по истории Англии и Шотландии.

К научно-историческим трудам и пособиям я обращался, главным образом, тогда, когда нам задавали домашнее сочинение по истории. Так, например, в пятом классе для сочинения на тему "Быт древних германцев" (по Юлию Цезарю и Тациту) я не мог, понятно, прочитать первоисточники в оригинале (тогда еще недостаточно владел латинским языком), но использовал отрывки из этих авторов, переведенные на русский язык и помещенные в "Книге для чтения по истории средних веков" под ред. П.Г. Виноградова.

В шестом классе для сочинения на тему "Реформация в Германии" я использовал солидную монографию, кажется, Петцольда,

а, может быть, какого-либо другого автора (точно не помню).

Высшим моим достижением в области научно-исторической литературы явилось чтение известного труда Бокля "История цивилизации в Англии". С особым вниманием я проработал начальную часть этой книги, где разбирается вопрос о влиянии географических факторов на характер и историю народов. Книга Бокля послужила для меня как бы введением в социологию. Дальнейшим углублением в эту науку явилось изучение книги Г. Спенсера "Основы социологии". Однако она дала мне только представление о предмете социологии, но не раскрыла движущих сил истории, законов развития человеческого общества. ^{Ответа} На эти вопросы ~~спенсер~~ нашел я в другой ~~марксистской~~ литературе. *марксистской.*

~~Из книги Спенсера мне запомнились только подкрепление многочисленными примерами рассуждения о бесплодности административных мер, идущих в разрез с экономическими законами.~~

Теперь несколько слов о чтении книг по вопросам философии.

Понятно, чтение солидных трудов по истории философии, в роде Виндельбанда или Фалькенберга, равно как и изучение первоисточников мне было не под силу в то время. Однако с большей частью основных философских систем к концу гимназического обучения я был знаком - по изложениям этих систем в исторических и историко-литературных пособиях, в критических статьях, учебниках и пр. Так, с философией Гегеля я познакомился по статьям Белинского и по работам, посвященным "неистовому Виссариону", с идеями французских материалистов - по курсам истории литературы.

Очень заинтересовала меня логика, которую нам преподавал в 8-м классе гимназии Владимир Сергеевич Сергеев. Говорили, что он вернулся тогда из Германии, где был в научной командировке и работал под руководством Вундта. Впоследствии Владимир

Сергеевич стал профессором и написал известный учебник "История древней Греции".

Естественно, что занятия под руководством такого преподавателя, воодушевленного страстью к науке (по внешности он вполне соответствовал нашему представлению о Владимире Ленском), вызвали и укрепляли интерес к философским вопросам.

Из первоисточников однако мне удалось познакомиться только с диалогами Платона (два тома, в переводе Вл. Соловьева), с "Размышлениями о первой философии" Декарта, с книгой Ницше "Так говорил Заратустра".

Пышная фразеология Ницше не смогла скрыть от меня реакционного характера его высказываний, особенно в области женского вопроса, который разрешается Заратустрой в духе восточного деспотизма. Между тем я был уже знаком с работами Августа Бебеля по женскому вопросу. Не произвел на меня никакого впечатления нахулиганский в то время труд Отто Вейнингера "Пол и характер". Его вычисления мужского и женского начал (М и Ж) показались мне просто смешными.

Вообще говоря, воспитанный на критических статьях Писарева, проникнутый духом реализма, материализма, я скептически и иронически относился ко всякого рода идеалистическому кликушеству, к антропософии, оккультизму и т.п. Как-то приехав домой на каникулы, я увидел на столе ~~у сестры~~ грудку книг, главным образом по вопросам иогизма. Несмотря на свой общий интерес к книгам, ни одной из этих книг я даже не раскрыл, не взял в руки: такая литература для меня вообще не существовала.

Стоит отметить, что наш учитель истории Аркадий Николаевич Ильинский был социал-демократ и преподавал свой предмет в духе исторического материализма. Понятно, это оказало сильное влияние на выработку у нас, учащихся, материалистического мировоззрения.

В программе тогдашней школы ~~интересов~~ был такой пробел: она не давала знаний по экономике, необходимых для материалистического понимания сущности общественных формаций и их смены. Приходилось приобретать эти знания путем самообразования. Началось с чтения элементарных брошюр: Дикштейн "Кто чем живет", Карышев "Экономические беседы" и др. Следующим шагом было штудирование уже более фундаментального пособия - книги Железнова "Политическая экономия". Таким путем был усвоен минимум знаний по политической экономии, помогающих разбираться в общественно-политической жизни страны и в социально-экономической литературе.

Следующей ступенью развития должно было бы явиться овладение марксизмом, но для этого требовалась соответствующая литература, которую в библиотеках нельзя было достать.

Такую литературу мне удалось приобрести, когда я перешел в седьмой класс. Недалеко от нашего дома, на следующем квартале, от высланного из Орла революционера осталась библиотека, которую его родственники или ^{квартира} хозяева продавали. В то время я давал частные уроки, у меня был заработок и я имел возможность купить часть этой библиотеки, в том числе первый том "Капитала" Маркса, его же "К критике политической экономии", Энгельса "Анти-Дюринг", Бельтова (Плеханова) "За двадцать лет", Каутского "Экономическое учение Карла Маркса", Богданова "Краткий курс экономической науки", Плеханова "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", Фр.Меринга "Об историческом материализме", Антонио Лабриолы "Исторический материализм и философия". Были, понятно, и другие книги и брошюры (например, Менгера, Бебеля), но я перечислил те, которые явились для меня основными при изучении марксизма.

Особенно большое значение для выработки моих взглядов на историю имело известное положение Маркса, высказанное им в пре-

дисловии к работе "К критике политической экономии": "Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание". Эта классическая формула и служила для меня исходной точкой зрения (*Standpunkt*) при изучении языкознания, истории литературы, философии, истории различных стран и народов. Это положение Маркса вносило математическую точность в расплывчатую методологию гуманитарных наук. Писал ли я работу о причинах пунических войн или о философии Эпикура или на какую-либо другую тему, я руководствовался положением о примате общественного бытия над сознанием, то есть подходил к вопросу материалистически.

Таким образом в результате моего юношеского самообразования я пришел к марксизму. Эта линия чтения была для меня генеральной и привела меня к тому, что я рассматриваю как *der Weisheit letzter Schluss*, выражаясь словами Гёте.

Однако марксизм оставался для меня только научно-теоретической основой, теорией. Из марксистской литературы я читал больше всего ^{произведений} книгу Г.В. Плеханова - сборник "За 20 лет", "Основные вопросы марксизма", "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", "Роль личности в истории", "Искусство и общественная жизнь" и другие работы. В этих произведениях рассматриваются главным образом историко-литературные и историко-философские проблемы; учение о социальной революции, диктатуре пролетариата, построении социализма не нашло в них отражения и разработки.

Только работы В.И. Ленина - "Апрельские тезисы", "Государство и революция", "Очередные задачи Советской власти" - показали нам, т.е. мне и моим товарищам, марксизм в действии, как орудие преобразования общества на началах социализма и коммунизма.

В заключение мне хотелось бы коснуться одного специфического направления моего чтения, именно чтения по будущей специальности.

Когда я перешел в 8-й класс, я решил по окончании школы специализироваться в области классической филологии. Поэтому у меня с преподавателем латинского языка сложились дружеские отношения. Человек, широко образованный и глубоко интересующийся своим предметом, он снабжал меня литературой по вопросам классической филологии. В частности, он дал мне для чтения трехтомный труд проф. Ф. Зелинского "Из жизни идей". Основную часть второго тома, его "ядро", по выражению самого автора, составили лекции, читанные проф. Зелинским выпускникам петербургских гимназий в 1903 г. и опубликованные под заглавием "Древний мир и мы". Эти лекции еще более укрепили меня в намерении заняться изучением античности и дали мне научные аргументы для отстаивания моего решения в спорах с товарищами, которые были удивлены тем, что я избрал своей специальностью "мертвые языки". Особенно мне импонировало утверждение автора, что "наша родина по духу - античность для всех нас" (т.е. русских, французов, немцев и пр.).

Некоторые тенденции автора в сторону идеализма не смогли поколебать в моих глазах авторитета проф. Ф. Зелинского как крупного знатока античной культуры. Однако впоследствии будучи студентом, я нашел в его популяризации древнего мира один слабый пункт.

В другом томе того же труда "Из жизни идей" (кажется, первом) я прочитал статью Ф. Зелинского на тему о светопреставлении. Основой для этой статьи послужила 4-я эклога Вергилия, в которой говорится о рождении чудесного младенца, знаменующем наступление "золотого века". Благодаря этой эклоге, Вергилий и был причислен

в средние века к провозвестникам рождения Мессии.

Анализ 4-й эклоги я и избрал темой для своего реферата, *когда в дни студенческой 4-го курса.*
При изучении литературы вопроса выявилось около сотни различных толкований сущности данного произведения Вергилия и личности младенца. Пришлось все эти гипотезы разбить на ряд однородных групп и оценивать их достоинства и недостатки суммарно. При этом, к моему глубочайшему удивлению, обнаружилось, что толкование, предложенное проф. Ф. Зелинским, относится к числу слабо обоснованных; естественно, что оно было сразу отвергнуто референтом. Этот случай был очень поучителен для меня: он наглядно показал, что значит непосредственное обращение к первоисточникам. Только оно и обеспечивает подлинно научное решение вопроса.

Что касается проф. Ф. Зелинского, то я не сомневаюсь, что он понимал научную шаткость своего истолкования эклоги, но использовал его в публицистических целях, для проведения аналогии между древним миром и современностью. В данном случае журналист, популяризатор победил в нем ученого.

Подобного рода отступления от строгих требований науки встречались мне и в дальнейшем в произведениях ^{иных} некоторых популяризаторов, которым ~~я~~ не приходилось даже побеждать в себе ученых, поскольку они таковыми и не были.

Итоги и выводы.

Суммируя все изложенное выше, можно в следующем виде представить систему моего чтения в ее последовательном развитии:

I. Дошкольный период.

Случайное, неорганизованное чтение без всякого руководства им; основные причины - отсутствие "большой литературы для малышей" и отсутствие сети детских библиотек.

II. Младший школьный период (I-4 классы).

✓ I. Исчерпывающее ~~книг~~^{I/} чтение приключенческой литературы (художественно-географической, художественно-исторической, научно-фантастической, детективной и пр.).

2. Систематическое чтение и перечитывание основных произведений классиков русской литературы XIX века в доступных для школьника изданиях (однотомниках, двухтомниках, трехтомниках).

3. Ознакомление с отдельными классическими произведениями мировой литературы, преимущественно в хрестоматийных отрывках.

4. Выборочное чтение, просмотр научных книг по географии, истории, естествознанию.

III. Старший школьный период (5-8 классы).

I. Широкое чтение русской литературы XIX века (в объеме полных собраний сочинений не только классиков, но и всех известных писателей дореволюционного периода) и произведений корифеев зарубежных литератур, в общем - овладение классическим наследием.

2. Плановое чтение критической литературы (преимущественно статей русских революционных демократов - Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева) и осмысливание общественной роли передовой русской литературы.

3. Чтение художественной литературы начала XX века и критическое отношение к произведениям реакционного характера.

I/ Термин "исчерпывающий" в данном случае надо понимать так: чтение всей той приключенческой литературы, какую я мог достать в библиотеках - школьной, народной, общественной.

4. Увлечение русской поэзией - классической XIX века и современной (начала XX века). Особое предпочтение творчеству Валерия Брюсова и Александра Блока.

5. Недовольство переводами и стремление к ознакомлению с важнейшими памятниками мировой литературы в подлинниках. Первые шаги в этом направлении в соответствии с достигнутым мною уровнем знания иностранных языков - новых (французского и немецкого) и древних (латинского и греческого).

6. Систематическое чтение научных книг - по истории литературы, по естествознанию, философии, политической экономии, марксизму.

7. Как результаты всей системы чтения - выработка реалистического, материалистического мировоззрения и овладение основами марксизма.

В таком виде вспоминается мне картина моего юношеского чтения и основанного на нем самообразования, саморазвития, дополняющего школьную учебу.

Этот путь развития представляется мне типичным - таким же путем шли многие мои товарищи и вообще многие молодые люди того времени.

В.Денисьев

19/1/1967.

В.Денисьев

[30-00]